

«Если ты человек...» (по рассказу В.Н.Крупина «Женя Касаткин»)

Цели: познакомиться с рассказом, продолжить учиться анализировать текст литературного произведения.

1. Познакомиться с биографией автора. (Приложение 1)
2. Прочитать рассказ (Приложение 2)
3. Сделать план рассказа.
4. Составить 3-5 вопросов к рассказу.
5. *Домашнее задание:* сочинение на тему «Если ты человек...»

Приложение 1.

Владимир Николаевич Крупин родился в деревне Кильмезь Кировской области в 1941 году. Родители были глубоко верующими людьми. Его детство легло на голодный конец войны и на тяжелое послевоенное время. Рассчитывая только на свои собственные силы, пробивался к образованию и высокой культуре. Он сам шел сложным жизненным путем: работал слесарем, грузчиком, служил на Северном флоте.

Окончив Московский областной педагогический институт, работал учителем в школе, затем журналистом на телевидении, редактором журнала «Москва», преподавал в духовной академии.

Им написано более 30 книг. А начинал Крупин, как и многие, со стихов. Но известным стал благодаря первому сборнику рассказов «Зерна» (1974).

Приложение 2.

В.Н. Крупин «Женя Касаткин»

В седьмом классе к нам пришел новый ученик Женя Касаткин. Они с матерью жили в деревне и приехали в село, чтобы вылечить Женю. Но болезнь его – врожденный порок сердца – была неизлечимой, и он умер от нее на следующий год, в мае.

Круглые пятерки стояли в дневнике Жени, только по физкультуре был прочерк, и хотя по болезни он не учился по две-три недели, все равно он знал любой урок лучше нашего. Мне так вообще было хорошо, я сидел с ним на одной парте. Мы подружились. Дружба наша была неравна – он не мог угнаться за нами, но во всем остальном опережал. Авторучки были тогда редкостью, он первый изобрел самодельную. Брал тонкую-тонкую проволочку, накручивал ее на иголку и полученную пружинку прикреплял снизу к перышку. Если таких пружинок было побольше, то ручка за раз набирала столько чернил, что писала целый урок. Такое вечное перо он подарил и мне. А я спросил:

– Как называется твоя болезнь?

Он сказал. Я написал на промокашке: «Окорок сердца». Так мне это показалось остроумно, что я не заметил его обиды и пустил промокашку по рядам.

Пришла весна. Когда вода в ручье за околицей вошла в берега, мы стали ходить на него колоть усачей. Усачи – небольшие рыбки – жили под камешками. Как-то раз я позвал Женю. Он обрадовался. Матери его дома не было, и Женя, глядя на меня, пошел босиком. Земля уже прогрелась, но вода в ручье была сильно холодная, ручей бежал из

хвойного леса, и на дне, особенно под обрывами, еще лежал шершавый лед. Вилка была одна на двоих.

Чтобы выхвалиться перед Женькой своей ловкостью, я полез первым.

Нужно было большое терпение, чтобы подойти, не спугнув, сзади.

Усачи стояли головами против течения. Как назло, у меня ничего не получалось, мешала дурацкая торопливость.

Женька зашел вперед, выследил усача и аккуратно наколол его на вилку, толстенького, чуть не с палец. А я вылез на берег и побегал, чтоб обогреть ноги. У Женьки получалось гораздо лучше, он все брел и брел по ледяной воде, осторожно поднимая плоские камни. Банка наполнялась.

Солнце снизилось, стало холодно. Я даже на берегу замерз, а каково было ему, чуть не километр шедшему по колено в воде. Он вылез на берег.

– Ты побегай, – посоветовал я. – Согреешься.

Но как же он мог побегать – с больным-то сердцем? Мне бы ему ноги растереть. Да в конце концов хотя бы матери его сказать, что он замерз, но он не велел говорить, где мы были, всех усачей отдал мне. Дрожал от холода, но был очень доволен, что не отстал от меня, даже лучше.

Его снова положили в больницу. Так как он часто там лежал, то я и не подумал, что на этот раз из-за нашей рыбалки.

Мы бежали на луга за диким луком и по дороге забежали в больницу.

Женька стоял в окне, мы кричали, принести ли ему дикого лука. Он написал на бумажке и приложил к стеклу: «Спасибо. У меня все есть».

– Купаться уже начали! – кричали мы. – На Поповском озере. Ты давай кончай сачковать!

Он улыбался и кивал головой. Мы отвалились от подоконника и помчались. От ворот я оглянулся – он стоял в окне в белой рубахе и смотрел вслед.

Раз нельзя, то мы и не принесли ему дикого лука. На другой день ходили есть сивериху – сосновую кашку, еще через день жечь траву на Красную гору, потом снова бегали за диким луком, но он уже зачерствел.

На четвертый день, на первой перемене, учительница вошла в класс и сказала:

– Одевайтесь, уроков не будет. Касаткин умер.

И все посмотрели на мою парту.

Собрали деньги. Немного, но добавила учительница. Без очереди купили в школьном буфете булок, сложили в два портфеля и пошли.

В доме, в передней, стоял гроб. Женькина мать, увидя нас, запричитала.

Другая женщина, как оказалось, сестра матери, стала объяснять учительнице, что вскрытия не делали, и так ясно, что отмучился.

Ослепленные переходом от солнечного дня к темноте, да еще и окна были завешены, мы столпились у гроба.

– Побудьте, милые, – говорила мать, – я вас никого не знаю, все Женечка о вас рассказывал, побудьте с ним, милые. Не бойтесь...

Не помню его лица. Только белую пелену и бумажные цветы. Цветы эти сестра матери и укладывала вдоль доски. Это теперь я понимаю. Женя был красивый. Темные волосы, высокий лоб, тонкие пальцы на руках, покрасневшие тогда в ледяной воде. Голос у него был тихим, привыкшим к боли.

Мать говорила:

– Вот эту книжечку он читал, да не дочитал, положу с ним в дорожку. – И она положила в гроб, к левой руке Жени, книгу, но какую – не помню, хотя мы и старались прочесть название.

Когда мы засобирались уходить, мать Жени достала из его портфеля самодельное вечное перо и попросила нас всех написать свои имена.

– Пойду Женечку поминать, а вас всех запишу за здоровье. Живите, милые, за моего Женечку.

Подходили к столу и писали на листке из тетради по немецкому языку. Ручки хватило на всех. Написала и учительница. Одно имя, без отчества. Хоронили Женю Касаткина назавтра. Снова было солнце. Ближе к кладбищу пошли лужи, но все равно мы не ставили гроб на телегу, несли на руках, на очень длинных расшитых полотенцах. Менялись на ходу и старались не останавливаться – за этим следила сестра матери, – остановка с покойником была плохой приметой. Наша учительница и еще одна вели под руки мать Жени.

А когда взрослые на этих же полотенцах стали опускать гроб, то мы с Колькой, который один из всех мальчишек плакал – он был старше нас, вечный второгодник, и Женя занимался с ним, – мы с Колькой спрыгнули в могилу и приняли гроб – Колька в изголовье, я в ногах.

Потом все подходили и бросали по горсти мокрой земли.

И, уже вернувшись в село, мы никак не могли разойтись, пришли к школе и стояли всем классом на спортплощадке. Вдоль забора тянулась широкая скамья, под ней еще оставался лед. Кто-то из ребят начал пинать этот лед. Остальные тоже.